

**Слово похвальное на
пренесение мощей св. Бориса
и Глеба**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С48

С48 Слово похвальное на пренесение мощей св. Бориса и Глеба / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 40 с.

ISBN 978-5-458-12409-6

ISBN 978-5-458-12409-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Третій списокъ Слова находится въ сборникѣ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности № F. CLXXXIX, полууставомъ XVII вѣка, въ листъ, на 507 листахъ (для сокращенія: O)¹. Для точнѣйшаго ознакомленія съ памятникомъ заслуживаетъ вниманія также рассказъ *Степенной Книги* (М. 1757. I. 234); краткое изложеніе его у Карамзина (II, пр. 228), а отрывки перепечатаны Н. Барсуковымъ въ его «Источникахъ русской агиографіи» (Спб. 1882, ст. 610); рассказъ цѣликомъ издается здѣсь по рукописи нашего Общества № F. XII, скорописью XVII вѣка, въ листъ, на 918 листахъ (для сокращенія: С), съ вариантами изъ рукописей F. LIII и CXXXIII².

Каждый изъ трехъ списковъ Слова имѣетъ свои особенности, явившіяся, конечно, вслѣдствіе частаго его переписыванія, и всѣ вмѣстѣ даютъ почти достаточныя основанія для возстановленія первоначальнаго текста. П₁ — безъ вступленія: по нему проповѣдникъ начинаетъ ex abrupto и идетъ прямо in medias res; по П₂ и O авторъ постепенно подготавливаетъ переходъ къ основной своей мысли. Трудно, конечно, сказать утвердительно, гдѣ тутъ подлинникъ, но исходя изъ общаго соображенія, что въ древней литературѣ охотнѣе опускали части того или другаго сочиненія, нежели дѣлали свои прибавки къ нему, мы скорѣе склонны думать, что въ П₁ начало Слова опущено, а не наоборотъ, что въ нашего Фестрика. Бѣли Ф.: Отъ этой статьи сохранились въ рукописи только начальныя восемь строкъ (см. II. Др. Письм. XCIV. 21). — И. А. Бычковымъ доставлены намъ для настоящаго изданія и копіи съ двухъ списковъ «Слова», находящихся въ указанныхъ рукописяхъ Погодинскаго древлехранилища, за что приносимъ ему глубокую благодарность. Рукописные тексты печатаются вполнѣ точно за исключеніемъ лишь разстаповки знаковъ препинанія и немногихъ чтеній, оговоренныхъ въ примѣчаніяхъ.

¹ Содержаніе рукописи въ моемъ Описаніи, Спб. 1892. I. 365—370, гдѣ также приведены отрывки изъ «Слова».

² Рукописи эти описаны въ моемъ Описаніи, I. 61, 110, 223.

П₂ и О прибавлено позже вступленіе. Но если съ вѣшной стороны П₁ и урѣзанъ переписчиками, то съ внутренней стороны онъ сохранился почти во всей чистотѣ подлинника: слово произнесено передъ князьями, — въ П, удержано обращеніе къ князьямъ. Не то замѣчается въ П₂: сохраняя часто старыя формы и слова, этотъ списокъ отдалился отъ подлинника и сталъ утрачивать характеръ слова, обращенаго ко князьямъ: слово «князи» смѣняется здѣсь словомъ «братіе», «поганые» (Половцы) словами «злые люди», да и самое заглавіе было переработано въ «Похвалу и мученіе». Повторенія въ П₂, не оправдывающіяся ни П₁, ни О, также не говорятъ въ пользу его консервативности, а нѣкоторыя вставки какъ-то не идутъ къ XII вѣку, обличая позднѣйшую работу переписчиковъ. Списокъ О, хотя и не вполне сходный съ П₁, подобно послѣднему, болѣе удерживаетъ характеръ проповѣди, но онъ страдаетъ пропусками и, рядомъ съ древними словами, заключаетъ въ себѣ часто формы подновленныя. Что касается до С, то онъ вполне отвѣчаетъ работѣ XVI вѣка: древнія слова систематически замѣнены новыми, а старыя, не достаточно ясныя, выраженія и совсѣмъ опущены.

Разбираемое Слово было произнесено 2 мая, въ день, посвященный памяти перенесенія мощей свв. Бориса и Глѣба: «еюже днесъ убіеніе празднуемъ», «не даждь вы Господь се слышащимъ» говоритъ его авторъ. Проповѣдникъ, болѣзнуя о братоубійственныхъ войнахъ современныхъ князей, о призываніи ими поганыхъ на помощь и о преступленіи младшими братьями крестнаго цѣлованія къ старшимъ, въ рѣзкихъ выраженіяхъ увѣщевалъ князей быть вѣрными данному слову, слушаться старшихъ братьевъ и причиненныя обиды не считать поводомъ къ измѣнѣ. Церковный ораторъ для вѣщшаго убѣжденія князей привелъ имъ «притчу» о князѣ Давидѣ Святославичѣ, который былъ, по свидѣтельству

витіи, образцомъ для подражанія: держалъ свое слово, никогда не воевалъ и переносилъ обиды, не желая воздвигать брани; онъ жилъ очень долго и почилъ какъ святой, ибо въ смертный часъ явился къ нему за душою ангелъ Божій въ видѣ голубя. Обращаясь къ слушателямъ, проповѣдникъ ссылаясь на того же князя для доказательства оспариваемаго въ то время нѣкоторыми мнѣнія о возможности спасенія для человѣка мірскаго и женатаго. Такова сущность проповѣди. Желаніе витіи рассказать притчу о черниговскомъ князѣ Давидѣ, «не въ чужей странѣ бывшу», наводитъ на мысль, что Слово произнесено въ Черниговской области, а обращеніе проповѣдника къ князьямъ, чадамъ и братьямъ предполагаетъ присутствіе на-лицо князей, духовенства и народа и свидѣтельствуемъ о высотѣ сана витіи. Проф. Голубинскій не находитъ возможнымъ признать это Слово сказаннымъ передъ князьями, полагая, что по всей вѣроятности оно было написано лишь для чтенія, но говорено не было, ибо «обличать князей въ лицо и съ безцеремонной рѣзкостью едва ли бы рѣшился какой проповѣдникъ»¹. Оспаривать такой доводъ, подкрѣпленный такъ формулированнымъ соображеніемъ, нѣтъ возможности, по той причинѣ что мы не имѣемъ въ сущности ни одной старинной проповѣди, которая была бы произнесена передъ князьями и посвящена ихъ увѣщанію, стало быть не знаемъ вообще, какимъ образомъ духовная власть, эта печальница за дѣлостность земли русской, относилась къ често — и свободо-любивой власти княжеской. Но и то немногое, чѣмъ мы располагаемъ, заставляетъ насъ скорѣе вѣрить, что на Руси бывали владыки, для которыхъ духовная забота о паствѣ и охраненіе русскаго государственнаго единства составляли одну нераздѣльную задачу служенія и кото-

¹ Голубинскій. Ист. русск. церкви. М. 1880. I. 1, стр. 678 пр. 4; но проповѣдникъ говоритъ: «не даждь вы Господь се *смышати*мъ».

рые въ сознаниі этого долга не стѣснялись высказывать то, что чувствовали. Въ 1146 году во время великой борьбы Ольговичей съ Давидовичами, когда вѣроломный Изяславъ съ Владимиромъ присягнули Игорю и Святославу признавать Игоря на великомъ кіевскомъ княженіи, черниговскій епископъ Олуфрій въ Словѣ, произнесенномъ съ кафедръ, между прочимъ сказала: «если кто преступитъ это крестное цѣлованіе, да будетъ проклятъ Господскими 12 праздниками»¹. Слова эти сказаны были въ присутствіи духовенства и народа именно въ томъ городѣ, гдѣ Изяславъ былъ тогда княземъ. Черниговское княжество было тогда первымъ послѣ великаго княжества Кіевскаго, вслѣдствіе чего князь, добившійся стола черниговскаго, находилъ часто возможнымъ добиваться и стола кіевскаго; отсюда и вытекало общеполитическое значеніе владыкъ черниговскихъ: они обуздывали честолюбіе своихъ князей и требовали отъ нихъ послушанія Кіеву. Случалось, что младшій князь для обладанія кіевскимъ столомъ призывалъ на помощь Половцевъ: для іерарха предстояла тяжелая задача убѣдить князя въ двойной его несправедливости: въ незаконномъ притязаніи на старшій столъ и въ гибельномъ призваніи на землю русскую ея враговъ-язычниковъ. Но если такова была задача черниговскихъ свитителей, то, какъ намъ кажется, нѣтъ ничего удивительнаго, если одинъ изъ нихъ, воспользовавшись случаемъ, прямо въ лицо бросилъ черниговскимъ князьямъ горькую истину о нерадѣннй ими о благѣ земли русской. Служеніе его въ этомъ случаѣ на пользу кіевскому князю и митрополиту обезпечивало прочность его положенія, ибо областному князю не легко было сбить того, кто получалъ рукоположеніе отъ митрополита. Что касается до времени, когда

¹ Ипатск. лѣт., изд. 1871, стр. 231.

произнесена была эта проповѣдь, то Погодинъ относилъ ее къ послѣдней четверти XII и первой XIII вѣка, а Голубинскій—вообще ко второй половинѣ XII столѣтія. Общее основаніе такому предположенію слѣдующее: проповѣдникъ съ одной стороны приводитъ въ примѣръ слушателямъ притчу о прежнемъ князѣ Давидѣ Святославичѣ († 1123) и говоритъ о трехъ его дѣтяхъ: Николѣ Святошѣ, умершемъ въ 1143 году, Владимірѣ († 1151) и Изяславѣ († 1161)¹; съ другой стороны онъ жалуется на призываніе князьями поганыхъ, то-есть безъ сомнѣнія Половцевъ, во всякомъ случаѣ не Татаръ: стало быть мы имѣемъ памятникъ литературы до-монгольскаго періода.

Въ литературномъ отношеніи, какъ сказано, Слово это интересно какъ по своей виѣшней формѣ, такъ и по основной идеѣ своей. Проповѣдь съ перваго взгляда производитъ необычное впечатлѣніе именно своею главною частью; витія сравнительно мало разсуждаетъ на тему и мало доказываетъ ее путемъ аналитическимъ; для вящаго убѣжденія онъ просто сообщаетъ слушателямъ историческій анекдотъ, «притчу», повѣсть объ одномъ князѣ, притомъ совершенно неизвѣстную по лѣтописямъ. Такое построеніе проповѣди, кажущееся столь непонятнымъ въ наше время, не заключало, кажется, ничего необыкновеннаго въ то время, въ вѣкъ сильнаго господства у насъ греческой церковной литературы; и дѣйствительно, въ византійской письменности XII вѣка мы находимъ примѣръ проповѣди, напоминающій разбираемое здѣсь Слово. Эта проповѣдь была произнесена архіепископомъ тавроменійскимъ Теофаномъ Керамевсомъ въ недѣлю православія: послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ Теофанъ прямо переходитъ къ изложенію иконоборческой ереси и, дойдя

¹ В. Зотовъ. О Черниговскихъ князьяхъ. Спб. 1892, стр. 261, 262.

до временъ имп. Θεοφιλα и Θεοδору, останавливается на такихъ придворныхъ анекдотахъ, которыя мало идутъ къ церкви, хотя и доказываютъ сущность дѣла¹. Внесеніе анекдотическаго элемента въ греческую церковную проповѣдь не замедлило сказаться и у насъ, гдѣ почва была весьма благопріятна для культуры и гдѣ, благодаря тѣсному общенію Цареграда съ Русью, было весьма доступно греческое литературное вліяніе. — Любопытный анекдотъ о князѣ, имѣющій значеніе самъ по себѣ и содержащій нѣсколько чертъ повѣствовательнаго характера, введенъ въ проповѣдь ради примѣра княжескаго братолюбія и повиновенія долгу, равно какъ и имена свв. Бориса и Глѣба служили для витіи примѣромъ княжескаго незлобія. Все это говорилось для одной цѣли: пристыдить современныхъ князей за ихъ клятвопреступленія, за непокорность къ старшимъ, за призываніе на Русь поганныхъ на помощь. День памяти свв. Бориса и Глѣба для проповѣдниковъ XII вѣка представлялъ прекрасный случай лишній разъ заявить всенародно о княжескихъ междоусобіяхъ: мученичество святыхъ братьевъ служило благодарнымъ примѣромъ антитезы. Уже Несторъ, писатель житія ихъ, возставая противъ современныхъ неурядицъ князей, приводитъ Бориса и Глѣба въ примѣръ княжескаго братолюбія. «Видите ли, братіе, говоритъ онъ, коль высоко покореніе, еже стяжаста святая къ старѣйшу брату; си аще бо быста супротивилася ему, едва быста такому дару чудесному сподоблена отъ Бога. Мнози бо суть нынѣ дѣтескы князи, не покоряющеся старѣшимъ и супротивящеся имъ, и убиваемы суть, ти не суть тако и благодѣти сподоблени, яко же святая сия, яко что бо святую сею чюднѣе, еже в такой чти и в такой славѣ, ти тако покореніе имуща, яко же и на смерть предастася. Мы же ни мало

¹ Θεοφάνους τοῦ ἐπίκλην Κεραιώως Ὁμιλίαι. Ἱεροσόλυμα 1860, σ. 78—84.

имамъ покорения къ старѣйшинамъ, на овогда прекыи глаголемъ имъ, овѣгда же укаряемъ я, многажды же супротивимся имъ. Нъ послушайте глаголемыхъ, яже о святоу: егда же бѣста святая сия, яко и онъ (Святополкъ), егда не того же ли отца быста сына, или во инѣ мѣстѣ; того ради не супротивистася ему»¹. Въ томъ же XII вѣкѣ опять понадобилось коснуться сего же вопроса, но на этотъ разъ проповѣдникъ уже прямо въ лицо князьямъ бросилъ горькое и рѣзкое слово о измѣнѣ ихъ крестному цѣлованію.

Въ историческомъ отношеніи Слово это весьма любопытно, какъ сказано, своею главною частью, именно притчею о князѣ Давидѣ Святославичѣ († 1123). Но достаточно одного бѣглаго взгляда на нее, чтобы убѣдиться, что притча эта обличаетъ свое сравнительно позднее происхожденіе, когда живыхъ связей съ княземъ уже не существовало, когда имя Давида уже облеклось дымкою легендарнаго характера, несогласною съ лѣтописными извѣстіями. Проповѣдникъ, вообще, рисковалъ рассказывать ее передъ черниговскою паствою, называя Давида старшимъ изъ Святославичей: быть можетъ не всѣ черниговцы забыли, да и по изслѣдованіямъ историковъ оказывается, что онъ былъ третій сынъ, старше котораго были Глѣбъ и Романъ, погибшіе въ 1078 и 1079 годахъ²; по слову, Давидъ жилъ 90, а правилъ въ Черниговѣ 73 года: простая справка говоритъ о невозможности такого представленія, ибо не могъ Давидъ родиться въ 1033, когда отецъ его родился лишь въ 1027 году; витія, прославляя Давида, рассказываетъ, что онъ никогда не воевалъ, а если когда и поднималась брань, онъ жертвовалъ собою ради

¹ Несторъ. Чтеніе о житии и о погубленіи и о чудесѣхъ святоу и блаженую стратотерпца Бориса и Глѣба. М. 1859 (изъ «Чтеній» I), стр. 1г.

² Зотовъ. Спб. 1892, стр. 257—258.

умиренія князей: въ дѣйствительности это не совѣмъ такъ, ибо Давидъ, напр., въ 1117 году участвовалъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ и другими князьями въ походѣ на Ярослава Святополчича, котораго удалось покорить¹; Давидъ, говоритъ витія, княжилъ «въ Черниговѣ болшемъ княженіи»; но это ошибка, которую пытался исправить уже митр. Макарій въ XVI вѣкѣ: «въ сей земли черниговскѣй господствуя, иже тогда бѣше болше княженіе *кроль Кіева*»; проповѣдникъ говоритъ, что у Давида было три сына: по справкѣ оказывается пять или (по Щербатову) шесть сыновей: (Ярославъ,) Святославъ-Николай Святоша (род. ок. 1080 † 1143), Всеволодъ (1111, 1116, 1124), Ростиславъ († 1120), Владиміръ († 1151) и Изяславъ († 1161). Погосдинъ находилъ ошибку витія или писца въ выраженіи: «Давидъ Святославичъ, а Святославъ Ярославичъ, святаго Бориса и Глѣба брать», говоря, что Давидъ приходился Борису и Глѣбу не братомъ, а двоюроднымъ племянникомъ; но тутъ кажущаяся ошибка объясняется, повидимому, испорченностію текста: 1) могла быть пропущена фраза «а Ярославъ Володимировичъ», или 2) въ подлинникѣ могло стоять начертанію брѣа, неправильно раскрытое писцами въ видѣ «братъ», тогда какъ оно можетъ означать и «брата»: Ярославичъ (= Ярослава), брата Бориса и Глѣба. Но такъ или иначе, проповѣдникъ не знаетъ точно ни Святославичей, ни Давидовичей, говоря лишь о болѣе видныхъ изъ нихъ: это показываетъ, что онъ жилъ въ сравнительно позднее время, и анекдотъ, имъ приводимый, есть болѣе или менѣе отдаленный отголосокъ прошествія. Легендарнымъ характеромъ притчи отличаются и цифровыя данныя о времени жизни и княженія Да-

¹ Ипатск. Лѣт., изд. 1871, стр. 204, гдѣ Давидъ по ошибкѣ названъ Ольговичемъ.

вида. Можно допустить, что 73 года — не княженіе Святосла-
вича, а всей его жизни (1123—73—род. 1050?), но для цифры
90,—которой, правда, нѣтъ въ П₁, П и С, но, кажется, вслѣд-
ствіе простаго пропуска,—не находимъ удовлетворительнаго объ-
ясненія. Анекдотическій элементъ притчи замѣчаемъ и далѣе,
при описаніи смерти Давида, когда влетѣвшій голубь сѣлъ ему
на грудь, клюнулъ въ уста и, какъ бы взявши его душу, исчезъ
Это довольно общій сюжетъ при описаніи кончины лица святаго¹.
По вѣрованіямъ древнихъ Римлянъ, орелъ выпускаемый изъ
костра, на которомъ сжигалось восковое изображеніе императора,
изображалъ собою его божественную душу, улетавшую въ небо².
J'ai vu, говорилъ одинъ англичанинъ, видѣвшій умирающую на
кострѣ Иоанну Даркъ (1431 г.), j'ai vu de sa bouche, avec le dernier
sourire, s'envoler une colombe³. По увѣреніямъ остяковъ, при сож-
женіи русскими ихъ бога изъ пламени вылетѣлъ лебедь⁴. Равнымъ
образомъ и появленіе свѣта надъ святымъ, въ видѣ ли молніи, какъ
надъ гробомъ Господнимъ (Даніилъ, Зосима) и какъ въ житіи
Бориса и Глѣба, огненнаго столпа, какъ въ житіи Іоаннікія
Віенскаго, огня, какъ въ житіи Іоанна Непомука, или въ видѣ
звѣзды, какъ въ чудесахъ св. Климента и здѣсь, указываетъ на
повѣствовательный характеръ притчи. Сюжетъ этотъ принадле-
житъ, очевидно, къ числу бродячихъ или переходныхъ; любопытно
бы было прослѣдить эту форму представленія и выяснить вопросъ
о времени появленія ея у насъ, разъ мы имѣемъ данныя отъ

¹ Иначе впрочемъ слѣдуетъ объяснить эпизодъ изъ жизни св. Алимпія
(во второй половинѣ XI столѣтія), рассказанный Поликарпомъ: Яковлевъ.
Памятники русск. литер. XII и XIII вѣковъ, Спб. 1872, стр. CLXXIV—V.

² Ешевскій. Сочиненія. М. 1870, I. 357.

³ Michelet. Histoire de France. Paris. 1852. VI. 176.

⁴ См. мое Самарово, село Тобольской губерніи. Спб. 1892, стр. 15.

ХІІ столѣтія. — Но, заключая въ себѣ ошибки историческія, какъ и слѣдовало ожидать отъ анекдота, притча имѣетъ свою и положительную сторону. По лѣтописямъ извѣстно, что черниговскій епископъ Теокистъ было поставленъ изъ печерскихъ игуменовъ въ 1112 году и былъ духовнымъ отцомъ княгини Θεодосіи, супруги Давида Святославича¹, 2 мая 1115 года онъ участвовалъ въ перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба въ построенную Давидомъ церковь во имя ихъ², и умеръ въ 1123 году, переживъ черниговскаго князя нѣсколькими мѣсяцами³. Слово даетъ намъ нѣсколько новыхъ чертъ для біографіи Теокиста, сообщая о присутствіи его при похоронахъ Давида. Кромѣ того проповѣдникъ этою притчею хотѣлъ разсѣять заблужденіе нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей, полагавшихъ, что не возможно спастись челоуѣку женатому и отцу семейства, что можетъ спастись лишь челоуѣкъ, не имѣющій своего дома и, стало бытъ, связанныхъ съ нимъ заботъ и тревоженій. Давидъ Святославичъ, говоритъ вѣтія, имѣлъ жену и дѣтей, — однако удостоился святости, онъ владѣлъ не однимъ домомъ, а всѣмъ Черниговскимъ княжествомъ, — и однако во всемъ исправилъ заповѣдь Господню. Въ этомъ случаѣ онъ разсуждалъ на ту же тему⁴, что Іоаннъ Златоустый и Іоаннъ Синайскій, съ тою лишь разницею, что у послѣднихъ хорошо построено доказательство. «Мнозѣмъ нѣкіимъ бесѣдуемъ и глаголемъ, писалъ св. Златоустый, почто неправѣ

¹ Ипатск., 197.

² Ипатск.. 201—202.

³ Ипатск., 206.

⁴ Другіе проповѣдники (пресвитеръ Косма) отмѣчали иные случаи: то люди бѣжали въ монастыри именно отъ жены и дѣтей, то они заявляли: «жену имѣю и дѣтей кормлю и дома устрою и князю служу или держу порученную мнѣ власть или ремесло; не наше дѣло — чтеніе книжное, а дѣло чернеческое» (Творенія св. Кирилла Туровскаго, изд. преосв. Евгенія. Кіевъ. 1880, стр. 92, 291).